

**МУЗЕЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ**

**МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙНЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ**

“100 ЛЕТ - ЭТО ПОВОД”

Материалы научно-практической конференции
“Институт культуры: баланс традиций и инноваций”

Составитель сборника
Лукас О.Г. – зам. директора по
научно-исследовательской деятельности МУК «МИКСП»

Редактирование текстов:
Лукас О.Г., Запорожцева Н.С.

Компьютерная верстка:
Сахаутдинов Р.Р. – научный сотрудник
проектно-информационного отдела МУК «МИКСП»

Дизайн обложки:
Шутов Ю.А. – научный сотрудник МУК «МИКСП»

Фотограф:
Е. Караванов

Маленькая фигурка у самого края берега проявляется через толщу лет в зрительной моей памяти, и мне делается страшновато за ее жизнь: берег под ее ногами мог обвалиться, как местами обваливался он каждое половодье...". В 11 лет Дмитрий успешно окончил трехклассное Сарептское земское училище, о чем свидетельствует надпись на Евангелии, врученном ему 20 мая 1905 года (эта реликвия сохранилась в семье художника). Он рисовал всегда, всю свою жизнь, с того момента, как себя помнит, в любых обстоятельствах, во всех своих скитаниях, в дни покоя, в дни тревоги – просто рисовал всегда: "С детства я верил искусству! Юношей... влюбился в жизнь и в этом состоянии пребываю и теперь и до конца буду".

И хотя в семье все братья увлекались рисованием, но отправить учиться в Казанскую художественную школу родители решили именно его.

В конце жизни художник вспоминал реку своего детства в годы Гражданской войны: «Моя служба была в нестрелковой команде 166 запасного полка. Мы интересовались багажом пассажиров с пароходов, идущих сверху. Багаж – это мешки, наполненные продуктами питания: мука, зерно, картошка и т. п., а пассажиры – мешочники. Пароходы приходили очень редко. Река и берег были безжизненными. А когда-то здесь стоял неумолкаемый гул, шум, погрузка-выгрузка барж, пароходов: огромных бунтов рогож, мешков с рыбой вяленой, копченой, сушеной, муки, зерна, бочек с тарной рыбой, сельскохозяйственных орудий и т.п. Множество палаток вразброс со снудью, галантереей и местной кустарной обувью. Громыхали по булыге ломовики. Баржи, лодки, плыли посреди реки длиннющие плоты с домиками плотовщиков на них. Не доходя до города, от плотов отчаливали лодки. Люди шли на базар за ржаным хлебом, нагружали караваями лодку и догоняли плоты. В голове каравана едва-едва шлепал колесами буксир, направляющий на русло караван. Матросы с баржей, влекомой буксирами и вниз, и вверх, тоже гоняли лодки за ржаным хлебом. Хлеб этот был знаменит по всей речной системе – испекался из сеянной ситом муки, смолотой из мытого зерна. Особенный хлеб пышными караваями. Смотрю вниз на воду... Все думается и вспоминается мое мальчишеское житье здесь... ».

С отъездом в 1911 году в Казань началась новая глава в жизни Дмитрия Моцевитина.

Примечания:

В публикации использованы воспоминания, письма Д.П. Моцевитина, хранящиеся в семейном архиве Н.Д. Моцевитиной и в Архиве Восточнославянского центра Бременского Университета, фонд 22.

Русский дизайн – поиск этнокультурной идентичности

Молчанова Л.А.

Интенсивная модернизация среды обитания современного человека, стремительно меняющаяся под влиянием новейших технологий, должна быть совмещена с культурной преемственностью образа жизни. Перед современной отечественной культурой стоит сложная задача – выработать свой стратегический курс на будущее в быстро меняющемся мире. Поиск

этнокультурной идентичности дизайна идет по двум направлениям: с одной стороны — воссоздание в предметной среде важнейших архетипов своей собственной национальной культуры; с другой стороны — творческое переосмысление опыта других культур, поскольку лишь отличное от нас дает нам возможность понять самих себя.

Национальная модель дизайна. Существует ли она? Да. Только не в России. Пока. Успешная коммерческая эксплуатация национального имиджа дизайна осуществляется в модной индустрии Франции, Италии, Великобритании, Японии. Стремление вывести национальный дизайн одежды на международный уровень стимулирует правительства, например Германии и Испании, к особым организационным, финансовым, пропагандистским мерам по созданию и рекламе национальной моды. А что в России? Есть ли и должен ли быть особый русский дизайн? Вроде бы должен. Потому что, если мы отличны по своей природе от француза, испанца, итальянца или американца, то мы никогда не сможем воссоздать их материальный мир на должном уровне качества, и копии наши всегда будут лишь жалкими подражаниями, и мы можем и должны создать свои образы материального мира, потому что без этого наша культура никак не сможет доказать свою реальную жизненную состоятельность.

Но пока что, увы, русского дизайна нет. Вещи, производимые в России, по крайней мере, то, что можно увидеть на улицах городов, особенно в провинции, мягко говоря, не впечатляют. Скучные подделки под западные образцы либо откровенный фольклор — таковы две основные линии, с которыми сегодня ассоциируется понятие «русский дизайн». Прилично ли? Конечно, нет. Но может ли быть по-другому? Не уничтожила ли советская эпоха и хаос последних десятилетий наше особое видение мира? Насколько далеки мы от появления своего особого, русского дизайна?

За годы перестройки многое разрушено, а новое не успело сформироваться в какую-то общую стратегию. Изменилось время. Появились новые имена, но они разобщены. Только у самых деловых и успешных дизайнеров одежды появились свои Дома моды или собственные ателье, но даже у них обороты измеряются лишь сотнями тысяч долларов в год. Другие же, менее деловые, существуют просто в рамках художественных студий. Причем, для многих самым важным источником дохода является накопленная годами частная клиентура, а о широких продажах через сети бутиков они даже не помышляют. Однако некоторые из них четко осознают, что их микростудии и есть те единственные места, с которых в принципе может начаться русская мода. Потому что ничего другого у нас нет. Нет единой культурной среды. Нет мощной текстильной индустрии, которая была основой модного бизнеса на западе. Нет увлеченных коммерсантов, которые могли бы вложить деньги в дизайнера, не рассчитывая на скорую отдачу, а желая построить лет за десять сильный русский модный Дом. Нет, наконец, публики, которая легко «купится» на новые идеи, не выворачивая вещь наизнанку в поисках модного западного лейбла.

Но сами дизайнеры есть. И они создадут русский стиль, и он будет интересен миру. Если... Если мы, не только дизайнеры, но и все мы

постараемся понять, чем отличается русский человек от японца, европейца или американца. И мы вольемся в общемировой цивилизационный процесс, если постараемся пробудить генетическую память. Свою глубинную родовую память, основанную на духовно-правственных архетипах, свойственных только нам и которые не могут быть распределены по рангам на прогрессивные и реакционные.

Известный отечественный философ Ю.М. Бородай считает, что «...там, где земная жизнь людей складывалась более или менее сносно, она строилась не на умозрительных домислах и расчетах, но на святынях, т.е. на нравственных императивах, «предрассудках», если угодно, своеобразных у каждого из народов, что и делает их неповторимыми соборными личностями, общественными индивидуальностями. Человеческий мир многоцветен и интересен именно потому, что основу культуры каждого из народов составляют свои культовые святыни, не подлежащие никакому логическому обоснованию и непереводимые адекватно на язык культуры иной».

Мы, конечно, особенные, нам свойственны противоречия и контрасты. В русском характере разгульное, природно-языческое начало соседствует с высокой православной религиозностью. В идеологии культ материализма сочетается с приверженностью к возвышенным духовным идеалам. Во власти – тотальная государственность сменяется безудержной анархией. Эту загадочную антиномичность русской культуры буквально во всем прекрасно описал Николай Бердяев в работе «Русская идея». Россия, с одной стороны, – самая безгосударственная, самая анархическая страна в мире, а с другой – самая государственная, самая бюрократическая страна в мире. Россия – страна безграничной свободы духа, самая не буржуазная страна в мире, и в то же время – страна, лишенная сознания прав личности, страна купцов, стяжателей, невиданного взяточничества чиновников. Бесконечная любовь к людям, Христова любовь соединяется у русских с жестокостью, рабской покорностью.

Настоящий глубокий кризис русской культуры, на самом деле, является частью глобального кризиса, но в России он переживается более остро. Весь мир оказался на перепутье на рубеже веков, речь идет о смене самого типа культуры, который сформировался в рамках западной цивилизации в течение нескольких последних столетий. На смену постиндустриальному обществу приходит экологически-ориентированная культура, с ее гуманистической направленностью, с ее ориентацией на воссоздание традиционных ценностей, что очень актуально для сегодняшней России.

Сегодня, когда в рассуждениях политиков достаточно часто мелькает мысль о необходимости формулирования национальной идеи, не лучше ли обратиться к тому знанию о русском, которое свободно от умозрительности и скоропалительных выводов.

Книги, статьи, заметки, высказывания Дмитрия Сергеевича Лихачева содержат это знание, они позволяют нам понять в себе то, что не зависит от политической погоды, что преимущественно не формируется обществом и историей, а дано русскому человеку изначально, от природы и проявляется в нем невольно, удерживаясь благодаря родному языку и формам творимой

культуры. Что же, по мнению Д.С. Лихачева, русского есть в человеке, живущем на русской равнине, и как оно формируется?

Ученый обращает внимание на специфические национальные формы обращения человека к человеку, существующие в русском языке. Пожилую женщину незнакомый человек может назвать «мать», пожилого мужчину – «отец» или «дед», к молодым зрелые люди обращаются как к «сынку» или «дочке». Русский язык в своих формах сохраняет представление о всеобщей связанности, об общем родстве, не случайно так много в нем слов с корнем «род»: родной, родник, родинка, народ, порода, природа, родина. Осмысление природы у русского человека тоже, очень своеобразно. Для русских природа всегда была свободой и волей: «погулять на воле». Широкое пространство всегда владело сердцами русских.

«Простор» из физического пространства переместился в формы национальной культуры: лирическая песня протяжна, в пляске танцор стремится занять своим телом как можно больше места, звон колокола лучше слушать издали, быстрая езда возможна на достаточно протяженном пространстве.

Русская культура считала волю и свободу величайшим этническим и эстетическим благом для человека. Народное смеховое искусство (скоморошество, обрядовое ряженье) позволяли человеку преодолевать костные формы социальной и бытовой жизни, обретать эмоциональную свободу и душевную волю. Доброта в понимании русского человека есть высшая правда, она всегда умная. Д.С. Лихачев отмечает, что слова «добрый» и «хороший» в русском языке синонимы. Добрый, добротный – значит хороший, качественный.

Русский пейзаж, с точки зрения ученого, создан не только природой, но и человеком.

Крестьянин сотворял вокруг себя мир. Он пахал землю и тем задавал ей определённые габариты, клал меру своей пашне, проходя по ней плугом. Создавались не только «полосыньки», но равнялись границы леса, формировались его опушки, создавались плавные переходы от леса к полю, от поля к реке или озеру. Эстетика параллельных линий отразилась не только в пахоте (борозда к борозде), но и в строительстве жилищ (брёвнышко к брёвнышку), в характере изгороди (жердь к жерди). Избы выстраивались в ряд параллельно реке или дороге, улица прилегалa к улице. Даже в древнерусском песнопении звучали параллельные голоса.

Рассматривая понятие «русского», ученый ставит проблему соотношения национального идеала и действительности и делает вывод об их несовпадении. Но иметь национальный идеал, по его мнению, очень важно. «Народ, создающий национальный идеал, создает и гениев, приближающихся к этому идеалу». В русском идеале, по мнению Д.С. Лихачева, заключалась свобода от материального, главной целью являлась идея самоотречения. Это помогало человеку преодолевать жизненные лишения, смотреть на врагов не злым, а просветленным внутренней правотой взглядом, сожалеть о невоплощенности в них божественной идеи о человеке.

Д.С. Лихачев открыл русскому человеку 20 века те пласты культуры и отечественной исторической жизни, которые были закрыты Петром 1, а далее – Сталиным. Не однажды, перекраивая свое прошлое, мы отрезались от самих себя, от собственной памяти. И после революции 1917 года мы снова начали делать историю с нуля. Благодаря Петру, мы привыкли думать о древнерусской культуре как об отсталой. Д.С. Лихачев показал, что до «золотого века» петербургской культуры существовало семь веков древнерусской культуры. Древняя Русь была культурным государством. Вспомним хотя бы тот факт, что Анна Ярославна, выходя замуж за французского короля, уезжала в Париж как в варварский город и, в отличие от своего мужа, поставившего в брачном свидетельстве крестик, умела написать свое имя. В донетровскую эпоху сформировался русский национальный идеал, выразившийся в зодчестве, иконописи, декоративном искусстве, древнерусской хоровой музыке и литературе. Этот идеал пережил не одно «смутное время». И всегда наша культура находила те или иные ответы на вызовы времени, продолжая развиваться. Более того, именно в самые трудные периоды отечественной истории рождались самые великие идеи и произведения, возникали новые традиции и ценностные ориентиры.

Российские создатели одежды, современные отечественные дизайнеры, которые в своем творчестве интуитивно или сознательно воплощают русский идеал, они есть. И проявляется эта «русскость» сегодня в совершенно новых формах, нежели в советское время.

Этот новый, неожиданный, свежий взгляд на русское в одежде с успехом демонстрирует, например, Елена Ахмадуллина. Интересные конструктивные решения моделей в любой ее коллекции сочетается с яркой образностью, даже сказочностью. В то же время – вещи вполне носибельны и обладают высоким качеством исполнения. В ее работах присутствует не только романтика, например, в своей последней коллекции художница остроумно обыгрывает сюжеты отечественной истории: представленные платья и блузы имеют принты-обманки – нарисованные ремни и портупеи, значки и орденские ленты времен гражданской войны.

Дарья Разумихина работает в стиле, который называют этнофутуризмом: русские кружева и цветная тесьма, настроенные на ткань полоска к полоске. Изделия получаются яркими, праздничными. Вот она, эта эстетика параллельных линий, отмеченная Д.С. Лихачевым. Художник-модельер и кандидат наук, она много путешествует. Ее дом напоминает музей. Здесь собраны экзотические ткани и образцы старинной национальной одежды, африканские маски и русские вышивки, сложносоставные бисерные украшения и головные уборы с острова Бали. Аксессуары авторской работы – часть ее коллекции.

Главные признаки всех коллекций Дениса Симечева – русский китч в узорах хохломы, гжели, палеха, павловопосадских платков. В его работах парадоксально сочетаются элементы казачьей формы и силуэты сказочных персонажей, скоморошьи атрибуты и образность советских 70-х. Его новое предложение – футболки с надписями «пацан сказал – пацан сделал». Парадоксы, юмор, игровые моменты – вполне в духе постмодерна. Очень узнаваемо и очень по-русски.

Список «наших» по духу дизайнеров можно продолжить.

Это: Александр Арнольд.

Никто не может предсказать, что петербургский дизайнер покажет в следующий раз. Единственный постоянный момент – маленький золотой крестик. «Занимаясь созданием нового направления русского текстиля, я думаю, что мне удастся передать философию русской моды. А дизайн, основу конструкции, я хотел бы сохранить свою. Когда я говорю, что я буду делать русскую моду, все смотрят на меня с ужасом. Но я бы очень хотел передать через платье очарование России».

Виктория Андреева.

В ее творчестве всегда чувствуется что-то русское, какая-то тоска по корням, детству и домашнему уюту. «Когда стоит такая раздетая дура, как Россия, грех ехать в Париж и искать что-то там. Где родился – там и пригодился».

Татьяна Парфенова.

Петербургский дизайнер, стояла у истоков российской моды. Ей удастся сочетать строгость и безупречность кроя с образностью, навеянной русской историей или этническими мотивами. Вышивка от Парфеновой – актуальная и стильная. «Я считаю, что простые чистые линии дают возможность действовать независимо от костюма, а значит, дают силу и свободу».

Елена Супрун.

Большинство творческих проектов Елены связано с увлечением историей моды, в том числе советской. Она, скорее, модельер-художник, чем дизайнер-бизнесмен: стопроцентная творческая личность, дом которой полон интересных людей, антиквариата и экзотики. Неповторимость Супрун как модельера в том, что она использует на профессиональном уровне старинные ткани. Эти материи она буквально по лоскуткам собирает в антикварных магазинах России. Наряды Супрун – это коктейль из редчайших тканей и личных творческих изысканий автора.

Андрей Шаров.

Дизайнер, живописец и театральный художник, на счету которого сценография более 40 спектаклей. Автор многочисленных коллекций одежды, перформансов, персональных выставок живописи и графики. Мотивы его новой осенне-зимней веселой коллекции навеяны совместной работой с Гарриком Сукачевым. Шаров обыгрывает романтическую эстетику уличных бездельников послевоенной Москвы. Это вариации на тему классических телогреек, трансформирующихся в стильные куртки из стеганой кожи. Хулиганская тема проявляется в трикотаже, чья цветовая гамма отсылает к классическим тельняшкам.

Валентин Юдашкин.

У ветерана русской моды принято заказывать вечерние платья для торжественных случаев. Его эксклюзивным моделям присуща повышенная декоративность. Не случайно многие его творения экспонируются в мировых музейных коллекциях. Дизайнер выпускает и линии готовой одежды. Соответствие западным модным тенденциям часто соседствует в его моделях с российскими этническими и историческими мотивами.

Ирина Крутикова.

Королева русского меха, великая и скромная, дизайнер с сорокалетним стажем, лауреат Государственной премии России, обладательница «Золотого манекена». Природный дар новатора и огромный творческий потенциал позволяют ей экспериментировать с традиционным для России материалом, изобретая новые технологии и вводя в моду новые виды ассортимента: юбки, пальто, костюмы из меха, шубы и накидки, собранные из разноцветных лоскутков, технология выработки овчины под атлас, двухсторонние меховые пальто, изделия, сплетенные, как кружево, из меховых лент. Несколько десятилетий назад никто в моде не относился к меху подобным образом. И, вероятно, не случайно, что такой мастер родился на русской земле.

Вячеслав Зайцев.

Маститый российский Кутурье, он долгое время олицетворял собой индустрию моды великого Советского Союза. Он служил красоте зачастую не благодаря, а вопреки сложившимся обстоятельствам. Его творческий почерк характерен безупречным кроем, абсолютным чувством стиля и чувством ансамбля, а также какой-то неуловимой «русскостью» всего, что он делает.